

Н. А. Ильина
преподаватель кафедры педагогики и психологии
Кемеровский государственный университет культуры и искусств

**ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА:
НА ПУТИ К ЦЕЛОСТНОМУ ОБРАЗУ ЧЕЛОВЕКА**

К началу XXI века появились суждения об очередном кризисе в психологии. Об острых теоретических и методологических трудностях и противоречиях, возникших в различных сферах исследований психологической науки на рубеже XX–XXI веков, писали А. С. Арсеньев, Б. С. Братусь, А. В. Брушлинский, В. П. Зинченко, В. И. Слободчиков и многие другие исследователи.

По словам В. А. Мазилова, нынешний кризис в психологии «глобален, объемен, интернационален и многопланов. Его проявления можно усмотреть в самых разных плоскостях» [12, с. 25]. К числу основных симптомов этого кризиса относят: 1) отсутствие единого подхода, обилие альтернативных моделей понимания и изучения психического; 2) углубляющийся раскол между исследовательской и практической психологией, их противопоставление [12; 24].

В отношении первого можно отметить, что отсутствие единой парадигмы психологической науки породило своего рода конкуренцию между различными ее направлениями. В настоящий момент эта конкуренция наиболее ярко выражается в противостоянии естественнонаучного и герменевтического (гуманистического) подходов. Что касается противопоставления академической (исследовательской) и практической психологии (психотехники), здесь разрыв между теорией и практикой, о котором еще в 1927 году писал Л. С. Выготский, в настоящее время превратился в глубокую пропасть.

Размышляя о выходе из сложившейся ситуации, современные авторы все чаще обращаются к вопросу о человеке, считая, «что возвращение в науку человека во всей целостности природы – духовной, душевной и телесной – способно решить не только методологические, но и практические задачи психологии» [5, с. 127]. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что вообще одним из главных симптомов кризиса психологического познания является «исчезновение» из этого познания **человека**.

Цель настоящей статьи: рассмотреть перспективы развития представлений о человеке в психологической науке в контексте новой антропологической парадигмы современной философии и науки. При этом наше внимание будет сосредоточено на изучении проблематики отечественной психологии.

Прежде всего проанализируем ситуацию, которая привела психологию к необходимости пересмотра своих позиций в отношении познания человека.

По словам Н. И. Непомнящей, для традиционной естественнонаучной психологии характерно частичное, фрагментарное изучение психических функций, деятельностей и т. д. «Основания “человеческой психологии” недостаточно реализуются в целостной психологической системе, как и в *разносторонней* эмпирической проработке». Это находит свое выражение, в частности, в том, что «теоретические представления о личности и тем более о ее целостности в большинстве случаев не воплощаются в соответствующих данным представлениям эмпирических исследованиях. Последние нередко сводятся к набору различных отдельных свойств психики, личности...» [14, с. 117].

Такой «частичный», нецелостный подход к человеку обусловлен, главным образом, тем, что психология, долгое время развиваясь внутри философии, в конце XIX века оформилась как экспериментальная наука, восприняв методы, а главное – методологию естественных наук. Как полагает А. С. Арсеньев, психология, пытавшаяся освоить эти методы, тем самым загнала себя в тупик, «так как эти методы являются методами познания вещей... вещной стороны, вещной проекции мира и человека, но человек – не вещь...» [1, с. 269]. В результате проблема этического сознания, «расположенности» его на бесконечную и конечную стороны, осталась практически незатронутой. И когда речь заходит о смысложизненных вопросах, касающихся сущности человека, понимания им самого себя, психология чаще всего оказывается не в силах дать ответ.

Как известно, в 70–80-е годы XX столетия, когда в центре внимания отечественной психологической науки оказалась проблема личности, в основу изучения этой проблемы был положен принцип «личность есть совокупность общественных отношений». Это несколько модифицированное выражение К. Маркса из 6-го тезиса о Фейербахе, где, по замечанию В. П. Зинченко, говорилось не о личности, а о сущности человека. Согласно точке зрения этого исследователя, с начала XX века психология проделала большой путь: «...она рационализировала чудо личности, выделила в ней большое число свойств,

ранжировала последние, научилась их измерять, тестировать, отнеслась к личности, как к вещи, притом не “чувственно-сверхчувственной” (как у Маркса), а как к вполне обычной» [7, с. 113]. В результате личность была редуцирована лишь к одному из своих уровней, к сумме тех или иных составляющих моментов. Недаром С. С. Хоружий назвал это время периодом «антиперсоналистических и антиантропологических тенденций» [21, с. 14].

Таким образом, одной из основных причин «исчезновения» *человека* из психологии является неадекватность методологии, принципы которой положены в основу познания, главному предмету этого познания – человеку.

Обратимся здесь к позиции В. И. Слободчикова, современного исследователя, занимающегося в отечественной науке разработкой психологической антропологии. По словам этого автора, в классической психологии почти все **о психике** человека и очень мало – **о самом человеке**. С его точки зрения, классическая естественнонаучная психология – это учение о психике как свойстве высокоорганизованной телесности, в частности – мозга. Все другие характеристики психики человека (личностные, духовные, нравственные и другие), по словам этого исследователя, «**не выводимы** из ее отражательных и адаптивных функций. Относительно этих функций перечисленные характеристики человека имеют **сверхъестественный** статус. Психика не имеет личности и сама себя не развивает... если стать на точку зрения классической психологии, что психика – это свойство биосоциальной структуры человека, то по самой логике рассуждения, чтобы понять это свойство, необходимо иметь хотя бы минимальное представление о сущности того, свойством чего психика является. И здесь выбор жесткий: **либо психика – свойство высокоорганизованной материи, либо свойство человека**» [17, с. 12].

Как полагает В. И. Слободчиков, речь должна идти о принципиальном различении (но не о замещении) «*психологии человека*» – как психологическом учении о становлении и развитии человека в интервале его индивидуальной жизни и «*психологии психики*» – как специальной науки о психических явлениях в живой природе, в том числе и у человека [Там же].

Далее следует отметить, что в настоящее время в философии и в гуманитарных науках в целом все более нарастает потребность в таком знании о человеке, которое было бы способно «удержать» всю полноту человеческой реальности.

С конца 80-х годов XX века, проблема человека как целостной открытой системы стала центром внимания философии. Это ознаменовало новый этап осмысления философско-методологических основ комплексного исследования человека. Можно назвать имена ученых (среди которых немало психологов), многолетние исследования которых приобрели большое значение для понимания человека как социального существа, связанного с обществом через систему социальных отношений и форм деятельности, формирующегося и изменяющегося под влиянием социальных условий. Это прежде всего Б. Г. Ананьев, К. А. Абульханова-Славская, В. С. Барулин, Б. Т. Григорьян, П. С. Гуревич, И. С. Кон, А. Н. Леонтьев, Б. В. Марков, В. С. Степин, И. Т. Фролов. Впоследствии были предложены объемные программы развития философской антропологии как особой сферы философствования. В начале 90-х годов появились работы П. С. Гуревича, Ю. Г. Волкова, В. С. Поликарпова и других исследователей, в которых была поставлена задача рассмотреть человека как интегральную проблему.

В настоящее время исследователи говорят не только об «антропологическом повороте», но и об «антропологической революции» в философии и гуманитарных науках, а по отношению к самой реальности употребляют понятие «антропологическая катастрофа» [3, с. 10]. Речь идет о том, что человек рассматривается сегодня как глубокий, порождающий пласт кризиса, связанного с разрушением форм культурной, исторической, духовной идентификации человека, размыванием мировоззренческих основ

его самоопределения. С другой стороны, именно личность видится как источник, средство и результат динамики осмысления и развития культуры в обществе, находящемся в состоянии общецивилизационной трансформации. Именно поэтому в современных исследованиях акценты начинают сдвигаться «с анализа функционирования обезличенных, деперсонифицированных социальных, политических и экономических структур **на существование человека**» [13, с. 17].

Происходит своеобразный взрыв, бум антропологизации общественных наук. Кроме философской антропологии появились еще социальная, культурная, политическая, психологическая антропологии. Современные исследователи задаются вопросом о природе человеческой способности к трансценденции – постижению другого, иного, расширению сознания, сферы осмысленного, понятого.

В работах Е. А. Спирина, Ю. Г. Волкова, И. А. Александрова и других исследователей содержатся идеи целостного познания человека как существа космопланетарного.

Так Е. А. Спирин рассматривает феномен человека как единую совокупность антропокосмических измерений-векторов. По словам исследователя, «система антропокосмических измерений призвана отобразить неразрывные связи фундаментальных проявлений биосферно-ноосферной социально-преобразующей активности феномена человека с многообразием биокосмических и космопланетарных процессов действительности как целого или универсума» [19, с. 157].

В. П. Барышков представил новое направление исследований – аксиологию личностного бытия. Автором предпринята попытка выхода за рамки социально-философской интерпретации сферы личностного к пониманию ее как «метафизически определяющей содержание подлинно человеческого бытия» [2, с. 14].

В работе В. И. Филатова предпринята попытка создания уровневой концепции целостного человека, в основу которой положены фундаментальные принципы постиндустриальной картины мира. Это, прежде всего, принципы онтологической субъективности, бесконечности, целостности, принцип дополнительности и принцип онтологической относительности. Человек определяется «через единство объективной, субъективной и трансцендентной реальностей» [20, с. 285].

Особенно актуальным становится сегодня вопрос о конкретных путях и формах интеграции всего современного, чрезвычайно разветвленного и гетерогенного материала о человеке в рамках некоторой обобщенной научной концепции целостного человека. В качестве одного из возможных путей такой интеграции рассматривается концепция человеческого потенциала. По данным В. Г. Борзенкова и Б. Г. Юдина, «многие исследователи все чаще стали обращаться к идее динамической, процессуальной природы человека, т. е. пониманию человека как непрерывно развивающейся, динамической целостности, стремящейся к реализации всех своих глубинных потенциалов» [3, с. 29–30]. Человеческий потенциал понимается как интегральная характеристика физических, психических, интеллектуальных, духовных и т. д. способностей человека.

Таким образом, в философии и в гуманитарном знании в целом все более укореняется антропологическая парадигма, причем не только в качестве нового объяснительного принципа феномена человека. По словам В. И. Слободчикова, антропологический подход – «это в первую очередь ориентация на человеческую реальность во всей ее полноте, во всех ее духовно-душевно-телесных устройствах; это поиск средств и условий становления... человека как **субъекта** собственной жизни, как **личности** во встрече с Другим, как **индивидуальности** перед лицом Абсолютного бытия» [17, с. 10].

Психологическая наука, безусловно, не может оставаться в стороне от происходящих изменений. Здесь, возможно, наиболее остро ощущается необходимость в системном пересмотре положений, принципов, постулатов с точки зрения их антропологической модальности, в выработке подлинно **человеко-ориентированного подхода** [17; 18].

Если обратиться к истории развития психологии, то с позиции современности можно оценить, насколько расширились границы этого познания. Долгое время психологическая наука пыталась изучать психическое как таковое, замкнутое в самом себе, как особый объект, имеющий вполне определенное и неизменное строение. Как отмечают В. И. Слободчиков и Е. И. Исаев, в разных научных школах при изучении психического делался акцент либо на его качество, либо на функции, либо на структуру, либо на предметное содержание. Но всегда психическое рассматривалось как таковое, в своих достаточно жестких границах.

Постепенно область поиска и исследований природы психического все более расширялась. Появились новые науки и целые отрасли психологии. Можно обозначить, в частности, такие науки, как психофизика, психофизиология, нейропсихология. Таким образом, на определенном этапе развития психологической науки «произошел **прорыв** за пределы замкнутого, феноменального мира психического как такового» [18, с. 332].

Однако следует заметить, что другой полюс человеческой реальности – его духовное бытие – и по сей день остается той сферой, к которой психология подходит с некоторой осторожностью. Можно вспомнить то время, когда в отечественной психологии, исходя из определенных идеологических соображений, вообще был наложен запрет на исследования духовности как особого способа бытия человека.

Здесь нам необходимо остановиться на одном важном явлении, относящемся в равной степени ко всем основным сферам познания мира и человека, прежде всего, философии, религии и науке. Речь идет о все более возрастающей за последнее время тенденции сближения этих сфер. Потребность в диалоге, взаимодействии испытывает как сфера гуманитарного познания, так и «точные» науки, основанные на рациональном познании. Это обусловлено прежде всего тем, что не только гуманитарные, но и естественные науки, в частности генетика, биология, физика, в XX веке «пересеклись» с некоторыми мировоззренческими проблемами, что потребовало от исследователей этих научных областей обращения к религиозным и философским учениям и в целом – к философско-религиозному видению действительности. Сама жизнь оказалась в высшей степени иррациональна и бесконечно сложнее, «чем те рациональные ориентиры, которые могла предложить наука» [11, с. 3]. Что касается понимания человека и, прежде всего, человека как личности, то современные исследователи в области психологии также приходят к выводу, что далеко не все в личности рационализируемо. По словам В. П. Зинченко, «в психологии есть слишком многое, что сопротивляется измерению, концептуализации, а в особенности, конечным определениям» [7, с. 114].

Во многом благодаря развитию диалога между наукой и религией сегодня мы можем наблюдать, как в российскую психологию возвращаются философские и этические категории, что позволяет современным ученым поставить вопрос об основаниях нравственного закона, корнящихся в вере человека и его мировоззрении. Тем самым определяется линия развития таких направлений, как психологическая антропология, философская психология, христианская психология, призванные продолжить традиции святоотеческой и русской религиозно-философской психологии. Психология человека начинает интенсивно осваивать наследие религиозной философии, духовного опыта исповедников веры, подвижников духа; расширять опыт работы с субъективным миром человека, его сознанием, а главное – строить новый взгляд, «стереоскопическое или голографическое» видение человеческой реальности в ее субъективной проекции. Здесь можно назвать имена отечественных исследователей Б. С. Братуся, В. И. Слободчикова, Е. И. Исаева, Л. Ф. Шеховцовой, Ф. Е. Василюка, В. П. Зинченко, М. Я. Дворецкой. В работах этих авторов предпринимаются попытки заложить основы подлинно духовной психологии как особой формы рационального знания о становлении субъективного духа человека в пределах его индивидуальной жизни.

Так, В. И. Слободчиков и Е. И. Исаев свою психологическую концепцию рассматривают как выход на полноту и целостность психологической (субъективной) реальности человека. По словам авторов, «именно религиозная точка зрения на человека по преимуществу демонстрирует и настаивает на необходимости и способности целостного видения человеческой природы – в единстве его телесной, душевной и духовной форм жизни» [18, с. 332–333]. В таком контексте содержательно переосмысливаются традиционные для психологии категории «личность», «индивидуальность», «субъект», «человек». Личность понимается, прежде всего, как «образ бытия», «субъект поступания» [Там же, с. 346].

Один из главных пунктов, которые В. И. Слободчиков и Е. И. Исаев выносят на широкое обсуждение, касается вопроса об универсальности человеческого бытия, об эквивалентности Человека и Мира. До сих пор этот вопрос оставался для психологии закрытым, и большое значение для выхода на него имела работа С. Л. Рубинштейна «Человек и мир». В данной работе С. Л. Рубинштейн впервые представил онтологическую концепцию бытия, включив в нее субъекта, который получает не гносеологическое (связанное с противопоставлением субъекта и объекта), сводящее его к познанию и сознанию, а онтологическое объяснение [16].

По мнению В. И. Слободчикова и Е. И. Исаева, современная психологическая наука нуждается в развитии именно такого строя мышления, где на первое место выходят не гносеологические (и соответственно не технологические), а онтологические и аксиологические (т. е. бытийные и ценностные) категории.

Особо следует отметить те работы, в которых предпринимается попытка проанализировать особенности научного психологического и богословского (православного) взглядов на феномен человека в их сопоставлении.

М. Я. Дворецкая провела текстологическое исследование библейских текстов с целью реконструкции «ветхозаветной» и «новозаветной» моделей психологической организации человека, интегрированных в целостное святоотеческое учение. Обращение к истории психологической мысли позволило автору обнаружить «малоизвестное науке восточно-христианское учение, реализовавшее на практике междисциплинарный подход, осуществившее синтез психологии, философии и богословия с целью создания целостного психологического учения о человеке» [5, с. 127].

В работах Л. Ф. Шеховцовой проводится глубокий сравнительный анализ взглядов на человека, содержащихся в академической психологической науке и православной антропологии [22; 23]. Автор также подчеркивает недостаточность позитивного мировоззрения для разработки целостного, синтетического учения о человеке – человекознания, построения которого до настоящего времени не осуществилось. Главной теоретической задачей в данных работах является соотнесение терминологии и понятий в научном и религиозном подходах к человеку.

В целом можно сказать, что ориентация современной психологической науки на христианское мировоззрение рассматривается как наиболее плодотворный путь, ведущий к воссозданию целостного образа человека.

Дело в том, что само обращение к православной антропологии позволило исследователям сделать вывод о том, что наличие тенденции к интегрированному изучению человека является уникальной особенностью русской психологии. Так М. Я. Дворецкая подчеркивает, что стремление к целостности вообще было особенностью богословского мировосприятия. По словам автора, это стремление «нашло свое выражение и в учениях, которыми была наполнена не только богословская, но и философская мысль в России» [5, с. 152]. Преемственность в стремлении к изучению целостного человека в русской психологии наглядно подтверждается трудами выдающихся русских мыслителей второй половины XIX – начала XX веков В. В. Зеньковского, П. А. Флоренского, С. Л. Франка,

Г. И. Челпанова и других философов. В этом же ряду можно назвать также труды крупнейших отечественных психологов и физиологов XX века Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, А. А. Ухтомского, Б. Г. Ананьева.

Дореволюционная русская религиозно-философская психология, к идеям которой в настоящее время происходит возвращение, как известно, представляла собой совокупность богословских, философских и психологических знаний. По словам М. Я. Дворецкой, это указывало на многоаспектность, междисциплинарность ее подхода [5, с. 6]. Именно трансформация психологического знания, осуществлявшаяся в противостоянии идеалистической и материалистической тенденций в изучении человека, в начале XX века привела к содержательному изменению этих связей: богословское и философское направления были заменены естественнонаучным подходом. В результате в качестве предмета изучения психология получила человека, утратившего не только онтологические, но и этические характеристики, трудно поддающиеся конечным определениям. Таким образом, произошла утрата целостности предмета психологического исследования.

Потому для выработки по-настоящему целостного видения человека так важно возвращение психологической науки к своим научным и культурным истокам. Изучение исторического пути формирования психологии рассматривается современными исследователями как важнейшая предпосылка анализа ее современных проблем и прогнозирования тенденций ее дальнейшего развития.

В этом отношении целесообразно обратиться к личности выдающегося гуманитария нашей эпохи Дмитрия Сергеевича Лихачева. Как известно, ему принадлежит заслуга глубокого изучения древнерусской литературы. В одной из своих работ «Человек в литературе Древней Руси» (1958–1970) Д. С. Лихачев предпринял попытку рассмотреть художественное видение человека в древнерусской литературе и художественные методы его изображения, проанализировать путь, пройденный древнерусской литературой до осознания ценности человеческой личности [10]. По словам Ф. Лесур, «открывая для читателя древнерусскую литературу, Д. С. Лихачев борется против опасности культурного обеднения, которую несет в себе утрата важного культурного “кода”; одновременно он восстанавливает истину об истоках современной русской литературы и тем самым дает ей новую возможность утвердиться в собственном самосознании» [8, с. 5].

Если применить идею, которая проводится в этом высказывании, к рассматриваемой в нашей работе теме, то можно констатировать назревшую уже необходимость обращения психологической науки к своим культурным истокам, восстановления своего «культурного кода». Это может дать ей новую возможность утвердиться в собственном самосознании, способствовать переосмыслению своих позиций в подходе к *человеку*.

Здесь нельзя не учитывать тот факт, что именно психология является важнейшим связующим звеном между основными тремя группами наук: общественно-гуманитарными, естественными и техническими, что неоднократно подчеркивалось Б. Г. Ананьевым, Б. М. Кедровым, Ж. Пиаже и другими учеными. Как отмечает Б. С. Братусь, «психология – наука *университетская*, т. е. она настолько контекстуальна, что выделить ее в некоем чистом, дистиллированном виде попросту невозможно» [15, с. 181]. Нахождение ее внутри условного «треугольника наук» (по Б. М. Кедрову) позволяет ей претендовать на статус некоего скрепляющего основания, «тела наук», посредника между науками [Там же]. В этом смысле на психологической науке лежит особая ответственность в том, какой подход к человеку она изберет в качестве основы его понимания. К этому можно добавить мысль А. В. Брушлинского, согласно которой «психология человека относится к числу тех наук, которые создают прочный фундамент для гуманизма» [4, с. 47].

Такое понимание имеет особое значение, когда речь заходит об области образования. По словам В. И. Слободчикова, одним из безусловных вызовов нашего времени является требование прямого и профессионально обеспеченного решения проблемы производства

и воспроизводства человечности и человеческого. Автор особо подчеркивает, что именно образование пытается решать эту проблему не утилитарно, а по существу. «В подавляющем большинстве современных концепций и программ развития образования появляется принципиально новое измерение – гуманитарно-антропологическое. Фактически речь идет о постановке беспрецедентной задачи для образования: оно должно стать универсальной формой становления и развития базовых, родовых способностей человека, позволяющих ему быть и отстаивать свою человечность; быть не только материалом и ресурсом социального производства, но, прежде всего – подлинным субъектом культуры и исторического действия» [17, с. 9–10].

Здесь мы сталкиваемся не просто с новыми идеями, парадигмами, формирующимися в настоящее время в философии и гуманитарных науках, но с запросами и потребностями самой реальности. В соответствии с этими потребностями психологическая наука как одна из главных наук о человеке нуждается в особой оценке тех оснований, на которых она строится. Речь идет прежде всего об аксиологической (ценностной) рефлексии психологии, что во многом связано с ориентацией не столько на то, **что есть**, сколько на то, **как должно быть**, т. е. **на ценности и смысл самого бытия человека** [17, с. 12–13]. С другой стороны, такой подход может помочь психологической науке более эффективно «синтезировать живое вещество» – живой образ человека, приближаясь тем самым к решению важнейшей для нее задачи, которую В. П. Зинченко обозначил как задачу «исследования и демонстрации всего пространства выбора путей развития человека и его мира» [6, с. 326–327].

Литература

1. Арсеньев А. С. Философские основания понимания личности: цикл популярных лекций-очерков с приложениями: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2001. – 592 с.
2. Барышков В. П. Аксиология личностного бытия: парадигма постсубстанциального миропонимания: дис... д-ра филос. наук. – Саратов: Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, 2002. – 314 с.
3. Борзенков В. Г., Юдин Б. Г. Человек как объект комплексного и междисциплинарного исследования: методологические аспекты // Личность. Культура. Общество, 2002. – Т. IV. – Вып. 3–4 (13–14). – С. 10–36.
4. Брушлинский А. В. Психология субъекта. – М.: Институт психологии РАН; СПб.: Алетейя, 2003. – 272 с.
5. Дворецкая М. Я. Концепция человека в религиозно-философском учении Восточно-христианской церкви эпохи Средневековья: Психологический аспект. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. – 250 с.
6. Зинченко В. П. Посох Осипа Мандельштама и Трубка Мамардашвили: К началам органической психологии. – М.: Новая школа, 1997. – 336 с.
7. Зинченко В. П. Преходящие и вечные проблемы психологии // Труды Ярославского методологического семинара (методология психологии). – Ярославль: МАПН, 2003. – Т. 1. – С. 98 – 134.
8. Лесур Ф. Дмитрий Лихачев, историк и теоретик литературы // Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы. – СПб.: Алетейя, 1999. – С. I – LXXIII.
9. Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы. – СПб.: Алетейя, 1999. – 508 с.
10. Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси // Лихачев Д. С. Избр. работы: в 3 т. – Л.: Художественная литература, 1987. – Т. 3. – С. 3–164.
11. Наука – философия – религия: в поисках общего знаменателя. – М.: ИФ РАН, 2003. – 284 с.
12. Мазилев В. А. Методологические проблемы психологии в начале XXI века // Психологический журнал. – 2006. – Том 27. – № 1. – С. 23–34.

13. Минюшев Ф. И. Социальная антропология: выбор пути (размышления) // Социальная антропология на пороге XXI века: Тезисы и материалы конференции. Москва, 20–21 ноября 1997 г. – М.: Изд-во МГСУ «Союз», 1998. – С. 17–22.
14. Непомнящая Н. И. Целостно-личностный подход к изучению человека // Вопросы психологии. – 2005. – № 1. – С. 116–125.
15. Психология и философия: Возвращение души / отв. ред. Б. С. Братусь. – М., 2003. – 198 с.
16. Рубинштейн С. Л. Человек и мир // Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание: Человек и мир. – СПб.: Питер, 2003. – С. 281–426.
17. Слободчиков В. И. Христианская психология – ее возможность и действительность // Шеховцова Л. Ф., Зенько Ю. М. Элементы православной психологии. – СПб., 2005. – С. 6–15.
18. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности: учеб. пособие для вузов. – М.: Школа-Пресс, 1995. – 384 с.